

Дмитрий КУЗНЕЦОВ

– как приходили к Циолковскому буржуйские книги изымать.

стр. 4

Холстина небосвода,
ветер-дирижёр и боль,
как кровь – **В ПОЭЗИИ**
калужских авторов.

стр. 2-6

Юрий УБОГИЙ

о том, почему не все стихи
про Бога – духовные.

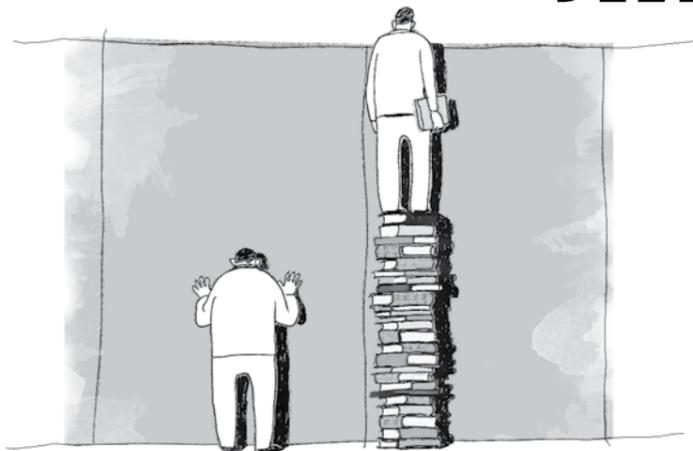
стр. 6

Откровения

паромщика. Чьи следы
видны в тумане и под какую
музыку рухнет мир.

стр. 8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НОМЕР

православная газета для молодежи

ВЕРА № 5 (90) 7 ноября 2018

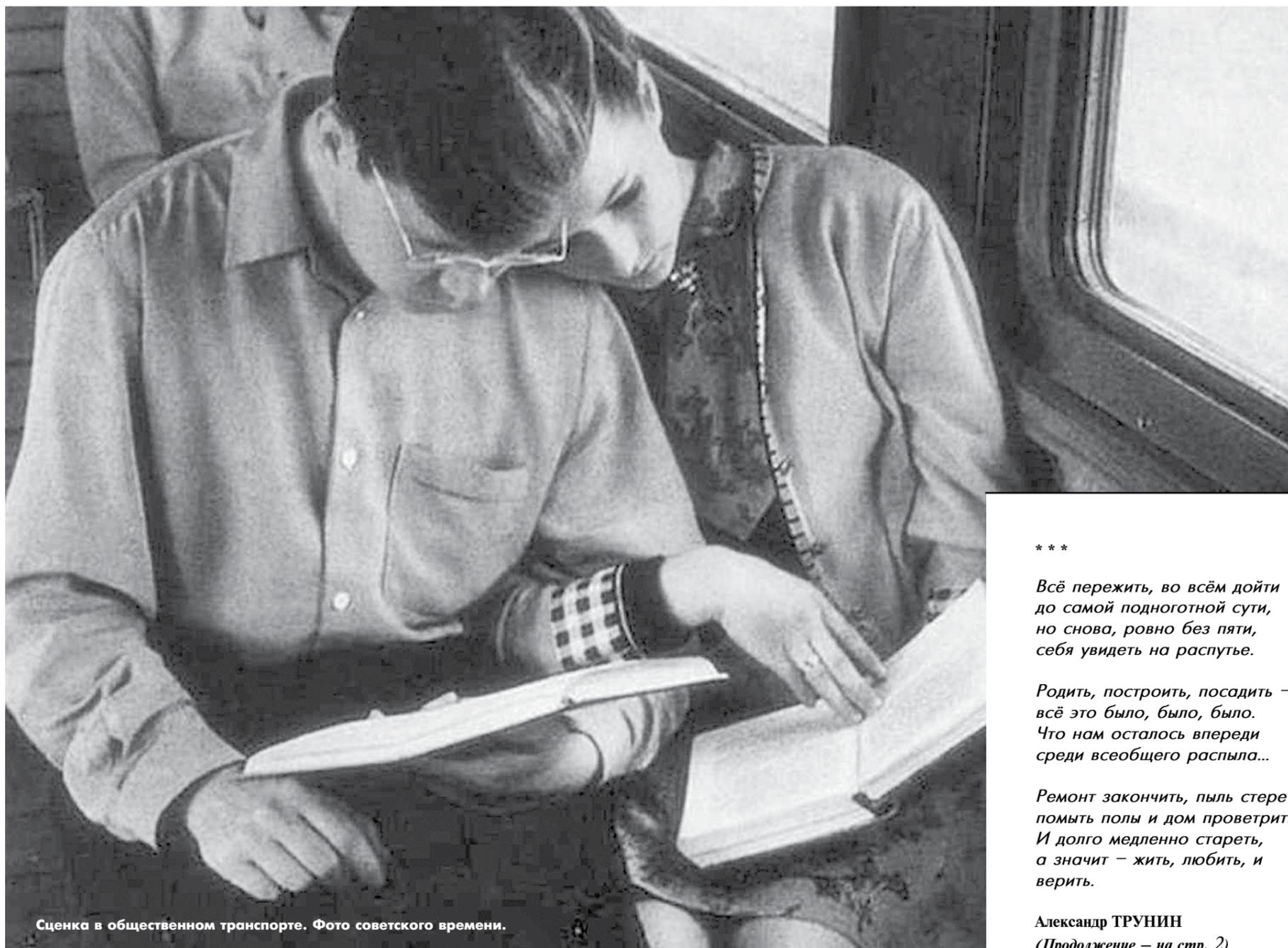
МОЛОДЫХ

Издается по благословию митрополита Калужского и Боровского Климента.
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

Когда-то само собою подразумевалось, что человек — это и есть тот, кто читает. Мало того, что давно наступила эпоха всеобщей грамотности, но к чтению ещё и относились как к естественному состоянию, чуть ли не видовому признаку человека разумного. Слова “он много читает” были важнейшей положительной характеристикой; слова же “он не читает совсем” означали едва ли не умственную деградацию.

Я не буду расписывать то, что мы видим вокруг себя ныне — вот эту именно что деградацию... Я лучше припомню те времена, когда книги любили, ценили, за ними охотились (а за иные даже сажали в тюрьму), где было обычным делом дать кому-то редкую книгу “почитать на одну ночь”... Только вдумайтесь: разве такое возможно сегодня? В те времена, где царил всеобщий и неутоляемый книжный голод — оттого, что на всех желающих книг не хватало.

Андрей УБОГИЙ «Читающий человек». Начало. Продолжение на стр. 2

Сценка в общественном транспорте. Фото советского времени.

***

Всё пережить, во всём дойти
до самой подноготной сути,
но снова, ровно без пяти,
себя увидеть на распутье.

Родить, построить, посадить —
всё это было, было, было.
Что нам осталось впереди
среди всеобщего распла...

Ремонт закончить, пыль стереть,
помыть полы и дом проветрить.
И долго медленно стареть,
а значит — жить, любить, и
верить.

Александр ТРУНИН
(Продолжение — на стр. 2)

Этот голод, вызванный, помимо огромного спроса на книги, еще и действием цензурных ограничений, приводил к интересным явлениям. Например, в начале восьмидесятых годов прошлого века были распространены “талоны за макулатуру”. Сдав на пункте приемки десяток-другой килограммов макулатуры — старых газет и журналов, картонных коробок, исписанных школьных тетрадей, — ты получал вместо денег талоны, которые можно было потом обменять на дефицитные книги. Так вот, этих самых талонов на руках у людей в скором времени оказалось так много, что нужных книг все равно не хватало, и книголюбыв могли отстоять в очереди за каким-нибудь романом Александра Дюма или Мориса Дрюона много часов на морозе, с чернильной отметкой номера на замерзшей ладони, ревниво следя, чтобы кто-нибудь не просунул вперед них и не похитил бы вожаемое право овладеть редкой книгой.

А старики-букинисты? Это была особая, исчезающе-редкая

каста людей, торговавших с рук книгами (это считалось тогда незаконным) и ведущих поэтому как бы полуподпольную жизнь. Попасть к ним в квартиру можно было лишь по рекомендации верного человека — тоже, разумеется, страстного книголюбца, — но даже тогда, когда ты проникал в жилье букиниста и жадно рассматривал книгу за книгой, ты все время чувствовал на себе недоверчиво-мрачный взгляд старика. Он откровенно тебя ревновал к тем сокровищам, что дремали на полках его библиотеки. Этот старик существовал будто в ином измерении времени и параллельном пространстве, где жизнь соотносят не с общепринятым календарем, а с тою шкалой, где отметками служат названия книг, имена авторов, годы издания, — старик жил в мире, где само время двигалось не от года к году, а от одной книги к другой.

А “самиздат”? Так называлось распространение текстов в обход официальных каналов. Это было и вовсе запрещено — такое буквально грозило тюрьмой. Но все равно “самиздат” жил и здрав-

ствовал; так, я познакомился с “Лолитой” Набокова именно по самиздатской бледной копии, отпечатанной на копировальной машинке “Эра”. И это была даже не полноценная книга, а всего лишь пачка потрепанных, серых бумажных листов. Но сочетание запретности копии с запретностью предосудительной темы, так виртуозно развернутой автором, делали эту пачку бумаги предметом таким же желанным, каким, наверное, было для Евы эдемское яблоко.

Впрочем, не одни лишь запретные, но и разрешенные книги неотразимо влекли нас к себе. Оказавшись в гостях у малознакомого человека, ты первым делом бросал взгляд на его книжные полки: подбор книг говорил о хозяине едва ли не больше, чем его речь и одежда. А книжные магазины — место особого притяжения: иногда ноги сами несли тебя в них, в нарушение всех твоих прежних

планов, и ты надолго задерживался возле книжных рядов, перебирая, листая, читая и чуть ли не пробую книги на вкус. Особенно привлекательны были книжные магазины в небольших городах и поселках: там спрос на книги был все-таки меньше, и имелись хорошие шансы найти что-либо стоящее. Не забуду книжного магазина в поселке Тим — это родные места моих отца с матерью, — куда я приходил, едва он открывался, и потом проводил там целые часы, набирая тяжелые стопки интересных мне книг (они, как почти и все остальное в той жизни, были недороги). Мир тимского книжного магазина стал мне настолько родным, что я, кажется, целую вечность мог бы провести у его полок, глазами внимательно перебирая названия книг, а руками бережно листая страницы. Людей там было мало, а часто и не было вовсе, и ничто не мешало моим одиноким заплывам по книжному морю. И хотя это море было огромным, в глубине души жило чувство, что я обязательно его переплыву, то есть непременно прочту все те книги, которые дожидаются, пока я прикоснусь к ним, сниму с полки, поверчу так и эдак и начну перекладывать их страницы справа налево, чувствуя, как в моей голове — и моей левой руке — прибавляется тяжести от прочитанной книги.

Убеждение в том, что мир без книг и без чтения есть неполноценный, ущербный, неправильный мир, вошло в нас, что называется, с молоком матери. Да никто б из нас и не поверил, что такой мир возможен; представить, что книги исчезли из повседневного обихода, почти то же самое, что представить, как из воздуха исчез кислород: в такой атмосфере нельзя существовать. И даже короткое расставание с книгами переживалось мучительно. Например, в туристических наших походах — а уж походил-то я, слава Богу, немало! — едва ли

не самым тяжелым для меня был не холод и не дожди, не усталость и мошквара, а отсутствие книг. За две недели твои глаза, мозг, душа начинали так голодать и томиться без чтения, что, стоило оказаться где-либо близ человеческого жилища, ты жадно накидывался на любое печатное слово, которое подвернулось глазам, точь-в-точь как гоголевский Петрушка. Ты читал вывески магазинов и расписания поездов, обрывки газет, случайно попавших в руки, правила поведения в общественном транспорте, листки “Их разыскивает милиция” (с которых угрюмо смотрели похмельные глаза фотороботов) и даже рукописные объявления на фонарных столбах: “Продается подлодом с участком” или “Пропала хромая собака без левого уха, отзывается на кличку “Дружок”...”

Отчего же теперь я не только не вижу, не чувствую прежнего книжного голода и все реже встречаю читающего человека? Экраны разнообразных гаджетов, как вы понимаете, в счет не идут, там все больше картинки или неграмотно-куцые SMS-сообщения. Настоящее чтение — вдумчиво-неторопливое, не скользящее по поверхности мозга, а проникающее в глубину души, — так быстро уходит из нашей жизни, что я начинаю бояться: а не уйдет ли с ним вместе и сам человек? Неужели мы, люди, веками учились читать и писать, чтобы теперь разучиться?

И если такое все же произойдет, что ждет и нас, и всю нашу планету? Вздохнет ли она облегченно, вторично впад в дикость, оставшись без докучавших ей — очень уж беспокойных! — ученых людей? Или, напротив, одичавшая и бессловесная наша Земля — и мы вместе с ней, одичавшие и позабывшие грамоту люди, — будем томиться и тосковать по забытым словам и по надписям, сделанным человеком? Но кто, в таком случае, снова научит нас читать и писать, кто выведет — на песке, на доске, бересте или камне — “аз, буки, веди...”?

Из книги «Словарь исчезнувших вещей».

АНДРЕЙ УБОГИЙ

Уличная продажа книг. Москва, 1960. Автор фото — Дмитрий Балгерманн.

ЧИТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

АЛЕКСАНДР ТРУНИН:

***

Мой старый, старый, старый сад под этим светлым небосводом. Все те же птицы в нем сидят и не стареют год за годом.

А я старею вместе с ним, мы вместе празднуем утраты. И что имеем — не храним, потрудимся — опять богаты.

***

Пучок зверобоя над низким окном, в котором закат догорает неровно. Я в сумерках замер, как будто тайком. И вечностью пахнут смолистые бревна.

Мы трудимся, лечимся, молимся, впрок готовим запасы, в бирюльки играем, гостей провожаем, готовим урок... Обычная осень — а кажется раем.

ОСЕНЬЮ

1

Стою на паперти земной, легко протягиваю руку. Не знаю милости иной — постигнуть нищеты науку.

И льется дождь в мою ладонь, раскрытую наполовину. А под ноги листья лавину куст опрокинет — только тронь.

2

Крадется дождик воровато. Листья осенняя примята. Толпятся поздние опять — угомонились грибки. А я сегодня бескорыстен, искателю свободных истин ловить удачу не с руки.

Незримой поражен опалой, слегка промокший и усталый, довольствуюсь надеждой малой, лесному радуюсь родству. Никем другим уже не стану. Я просто вышел на поляну и в небо заново расту.

***

Продан Иосиф — недорого, лишь бы сбыть, лишь бы любви отцовской больше не знал. И караван с купцами отчалил — плыть да плыть. Нам-то известен истории той финал.

Будет в Египте тюрьма и царский чертог. Ну а пока тоска и братский привет. Пусто кругом — пустыня, но видит Бог, надо любить, другого выхода нет.

БОЖЬЯ КОРОВКА

О.К.

Бирюзовое небо сквозь стебли высокой травы. Что за срочное дело сегодня у божьей коровки... Безмятежны улитки, с утра муравьи деловы, важен увалень-шмель, а кузнечики быстры и ловки.

Продолжается день бесконечно — сияя, сверкая, звеня. Не наступит уже никогда тяготина ночи. Это кто — очень взрослый — случайно находит меня, поднимает, ласкает, целует, щекочет, хохочет,

отпускает... И снова уводят земные пути, снова божья коровка... Шепчу ей заветное слово: долети... я тебе помогу... долети, долети до родимого неба... лети же, лети... до седьмого.

***

Надо видеть совсем немного: сад в окне, за садом дорога, поле, рошица, и река — чтобы знать, что живешь пока.

А потом — над дорогой, садом, полем, рошицей и рекой, далеко и почти что рядом — небо, облако, вечный покой.

ВЛАДИМИР ОБУХОВ:

***

Пускай судьба неблагоприятна
к таким, как я, —
она меня кромсает, словно
лепя, граня...
Пускай! Ведь душу надо смело
мять и крушить,
чтобы могла одна, без тела,
лететь и жить.

***

В вере суть, наверно,
всех эпох и эр.
Мера мира — вера.
Вера — мера мер.

***

Ну кто пожалеет, ну кто пожелает
ношу Твою поддержать?
Разве что пес подзаборный залает
жалостливо. И опять
рожи. И гогот. И визг. И проклятья —
зла простодушный пыл.
Длинные копыта. Яркие платья.
Жаркая серая пыль.
Зубы невинный мальчонка шерит.
Пышет огнем тропа.
Вот и гора по имени Череп.
Россыпью — черепа.
Ставят кресты. И сочтется болью
неба дневная мгла,
глыбой повиснув над Тобою.
Как синева тяжела!
Как тяжела ты, ноша гнева.
Боль, как кровь, густа.
Три креста подпирают небо.
Только лишь три креста.

***

Все очень просто:
где ночь — там мгла,
где много злости —
там много зла.

***

Довлеет дали доля
твоя, страна моя.
Довлеют дали — доли
лесов и гор моря.
Над градами и весями,
над всей страной
гуляет дико ветер,
отчаянный, сквозной.
Есть в этом смысл, наверно,
да нами он забыт.
Но бытием овеяны
душа и быт.

***

Часовня у дороги
Орел — Елец.
Вокруг поля широкие,
а тут, как остров, лес:
прозрачной чаши месиво
к погосту льнет, к крестам.
Стоял на этом месте —
в войну сожженный — храм.
Тут на потеху швали
немецкой — выл костер:
в тот храм селян загнали,
спалив — как сор.
И тут же похоронены
и мать моя, и брат..
Машины свишут. Вороны
о чем-то говорят.
Решеточка узорная.
Село. За ним поля.
И чуть дымится черная
орловская земля.

ИЗ ДНЕВНИКА РЕДАКТОРА

Если человек берёт в руки книгу не чтобы развлечься, то любой выбор произведения для него не будет случайным. Это будет выбор Промысла.

Промысел разговаривает с нами через книги. Бог Слово говорит через слово (через Писание, в первую очередь, но не только). Со мной точно.

Вот лишь последние примеры.

Много времени посвятил изучению русской истории, не поверхностному, а весьма глубокому, и увидел в ней постоянное действие некоего разума, который все устраивает, сплетает и переплетает, одним словом — творит. А еще — понял я — у истории нет времени. На одном и том же месте (в одной локации, как говорят сегодня) могли происходить решающие для страны события, но с разницей в столетия.

Увидел я все это и думаю: вдруг все это мне кажется, выдаю желаемое за действительное. Так себя и убедил. А на следующий день открыл статью Флоренского «Россия и Троице-Сергиева лавра» и абсолютно случайно выхватил из текста, который я до этого перечитывал раза четыре, только одну фразу: «Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой: оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории». Повторю, статью эту читал несколько раз, но хоть убей — не помнил там таких слов.

Еще случай. Увлёкся я личностью Андрея Рублева. И его «Троицей». И узнал, что в начале XX века эта икона была как бы заново открыта людям. Ее впервые «раскрыли» — очистили от олифы, да так, что добрались до оригинальных рублевских цветов. Цвета эти всех поразили своей нереальностью, таких на земле не знали. А «Троица» — это же национальная идея России. Андрей Тарковский говорил в своей книге «Запечатленное время»: «Народная тоска по братству в эпоху диких междоусобиц и татарского ига родила гениальную «Троицу», то есть идеал братства, любви и тихой святости». И подумалось: наверно, не случайно икона явила себя вновь в начале XX века, разделившего страну на своих и

врагов, на наших и ваших... Вполне возможно и Флоренский говорил то же самое, уже не помню. Но мне показалась мысль эта интересной, я стал размышлять. И надо же, довольно скоро к моим размышлениям присоединились другие. Мне по работе нужно было прочесть рассказ Шмелева «Куликово поле». И что же? На первых же страницах — получите телеграмму сверху, распишитесь: «В чужие соборы шли, все галереи истоптали, а икону свою открыли перед самым провалом в ад».

Неужели и правда со мной кто-то разговаривает, кто-то отвечает мне через книги?

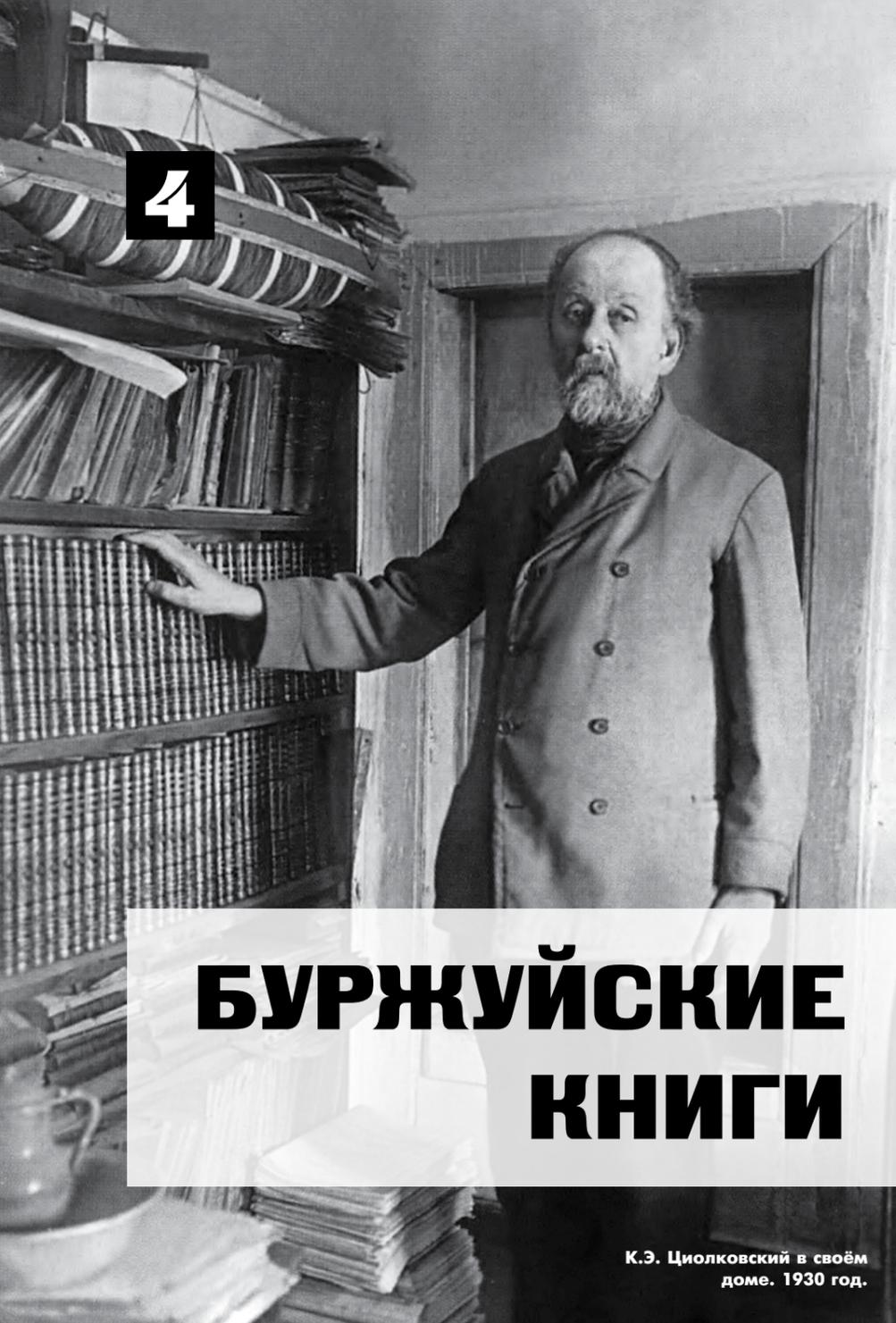
Вот еще случай.

Задумал я писать сценарий про революционное время. О новомучениках, о жизни священников, крестьян, об отношениях с большевиками. Для любого творческого произведения нужна сверхидея. Нашел ее после прочтения книги Иова Гумерова «Суд над Иисусом Христом»: новомученики, на самом деле, повторили путь Христа от Гефсиманского сада до Голгофы. Параллельно я доделываю фильм про Чехова и «Вишневый сад». И мысль там такая, что Антон Павлович все предсказал для России и мира, и его последняя пьеса много раз разыгрывалась не на сцене, а в жизни, в стране, в живых декорациях русской и мировой истории. Об этом я написал сценарий, но не уверен был, прав ли я или волюнтаристски трактую классика. И вот попадает в мои руки малоизвестная книга Михаила Пришвина «Цвет и крест». И читаю там: «Вырвался, повидал Русь — нет ничего, обманула весна: везде раздоры, дележка, обманный крик на мираж: «Земля, земля!» — и нет земли, цвет измят, крест растоптан, всюду рубят деревья, как будто хотят себе рубить новый крест — орудие казни позорной». То есть мало того что здесь явная переключка с Чеховым, так еще и намек на схожесть между Христом и новомучениками... Двойное попадание! И, хотите верьте, хотите нет, тут же наткнулся на цитату Пришвина о его «Мирской чаше»: «Правда, я не посмел довести своего героя до Христа, но частицу его вложил и представил 19 год 20 века мрачной картиной распятия Христа».

Все мои «открытия» через книгу (и не только перечисленные, их очень много) оказались для меня важными. Определили мое будущее. Тот же Пришвин напрямую повлиял на мою судьбу. Когда-нибудь я расскажу и об этом.

Максим ВАСЮНОВ.

24 апреля 2017 года, 2.40, Москва.

К.Э. Циолковский в своём доме. 1930 год.

БУРЖУЙСКИЕ КНИГИ

Вспоминаю такой рассказ деда. Середина 1920-х годов, Калуга. Группа мальчишек-комсомольцев ходит по домам и квартирам, где живут интеллигенты и "бывшие", то есть те, кого большевицкая революция выбросила за черту жизни. Задание у ребят ответственное: изымать буржуазные книги у населения. А какие именно? Ну, например, книги про Шерлока Холмса или Пинкертон, книги Дюма и другие романы "плаща и шпаги", вообще весь историко-авантюрный жанр подлежит изъятию и уничтожению. Есть даже разнарядка от райкома: сколько каждый буржуй должен отдать томов, разлагающих моральный облик строителей "самого справедливого" общества. Книги собирались в кучу и сжигались под пение "Интернационала".

И вот мой семнадцатилетний дед во главе группы решительно настроенных молодых людей заходит в дом с мезонином на краю города, в котором живет... К.Э. Циолковский. Он тогда еще не числился великим ученым, хотя определенное признание у него было. Но это не помешало Константину Эдуардовичу попасть в общий список по изъятию книг. Он вышел навстречу ребятам в валенках и со слуховым аппаратом в руке.

— **Мы** к вам, профессор, и вот по какому делу..., — заявил командир группы, копируя интонацию знакомого председателя домкома.

— Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, — перебил его Константин Эдуардович, — во-первых, вы простудитесь, а во-вторых, вы наследили у меня в комнате, а пол здесь только что вымыли.

— Во-первых, мы не господа, — с вызовом бросил командир, — господа в Париже. А во-вторых, у нас вот какое дело... Мы пришли книги буржуйские забирать. С вас — десять штук!

— Что значит "буржуйские", — изумился Циолковский, — и почему так много? — Но, взглянув на суровые лица ребят, махнул рукой. — Ладно... идите со мной. А обувь все же оставьте в прихожей!

Чез минуту вся компания стояла возле большущего книжного шкафа и озадаченно рассматривала корешки книг: "Высшая математика", "Основы баллистики", "Курс лекций проф. Можайского" и десятки других томов, ничем не напоминавших зловердную буржуазную романистику...

— **Прошу** вас, берите, что считаете нужным, — в голосе хозяина дома слышалась явная издевка, — но потрудитесь впоследствии объяснить там, куда вас вызовут (а я

уж об этом похлопчу, будьте уверены!), по какому праву вы лишили меня литературы, в высшей степени необходимой для моей работы.

— Но у нас разнарядка..., — пробормотал командир, — со всех буржуев по десять томов... постановление райкома... Вы ведь буржуй?

— Э-э... Не совсем... Если только в определенном смысле... То есть, я достаточно образован, да.

— Ну, вот видите! С вас — десять томов. А иначе..., — командир сокрушенно вздохнул, — нам выговор и порицание.

— Ну, хорошо! Будь по-вашему.

Циолковский старческой семенящей походкой направился куда-то по узкому коридору.

— Сейчас принесу вам... буржуйские.

Еще через пять минут Константин Эдуардович вышел к ребятам со стопкой книг в руках.

— Вот это, кажется, подойдет.

Командир радостно взял верхнюю книгу, на обложке которой красовались скрещенные шпаги, шляпа с пером и начертанный витиеватыми буквами заголовок "Похождения Рокамболя". Имя автора сего произведения зримо свидетельствовало о его явно буржуазном происхождении: Пьер Алексис Понсон дю Террайль!

— **У** ты! — вырвалось у мальчишки. — Это же то, что нужно! То есть — оно самое, буржуйское... — остальные ребята согласно закивали.

— Да тут же больше десяти книг! И это что, все про него, про Рокамболя? — ошарашенно спросил командир.

— Про него! — подтвердил Циолковский.

— А кто он такой?

— Ну, вы ведь читать умеете? И любите, наверное?

— Угу!

— Вот и прочтите...

— Нельзя, — парень решительно мотнул головой, — это буржуйская вещь, мы ее жечь будем. Партия велела!

Команда уже вышла во двор, а ее начальник, замешкавшись на крыльце, все стоял рядом с Циолковским, держа в руках тяжелую стопку книг.

— **Ну**, а если тебе партия мать родную сжечь прикажет, сможешь? — тихо спросил Константин Эдуардович.

Мальчишка отшатнулся и дико взглянул на него.

— Зачем же мать родную?!

— А затем же, зачем и книги... Сможешь?

Юный строитель коммунизма секунду-другую глядел себе под ноги и вдруг, круто развернувшись, бросился прочь, вдогонку за друзьями, уходившими вдаль по улице...

ДМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ

РЫБКА

Плывет по небу ночью на восток
Сплетенная из капельницы рыбка.
Спешит влюбленно в гости юный бог,
В ушах его щебечет кровоток.
У бабушки в саду скрипит калитка.

На ветках зреет дынный мармелад,
И волчьей ягодой мерцает сигарета.
У маленькой сестры огромный бант,
Летит ее волшебный самокат,
И календарь отматывает лето.

К проселочной дороге в темноте
Старинных елей подползают корни,
Завидуя длине и ширине.
И я стою в бессмертной тишине,
В который раз целую ей ладони.

***

И жизнь пожить. Насобирать опять,
Без косточек вишневое сварить.
И утром печку растопить опять.
И сохранять, и даже сохранить.

Червивый день дозрел в мою ладонь.
След самолета небом начался.
Большая жизнь, не тронь меня,
не тронь —
Я в этом весь, и ты на этом вся.

Плеснет карась, погаснет зверобой,
И статую из парка унесут.
За лесом тепловоз трубит отбой.
И в этом суть, и весь на этом суд.

ВИКТОР КАНАЕВ

БЕРЛИН

Птицы летят на юг, как большие поэты в Валгаллу,
ПАЗИК едет на Северный, громко играет шансон.
Метель у меня в голове ничего не сломала,
На моем лице снег лепит твое лицо.

Фонарь кивает прохожему, будто бы помнит
Шум деревенского утра и запах травы.
Он вернулся с чахоткой из каторжной каменоломни
Раскачивать ночь движеньем седой головы.

А где-то в Берлине падает дирижабль,
Пыльца его крыльев остается на детских пальцах.
И если б я мог бежать, то я бежал бы,
До твоей улыбки собой искривив пространство.

***

В речке под горкой вода,
Рядом ракиты да ивы.
Детство — это когда
Бабушка с дедушкой живы.

Что тебе снится, скажи,
Девочка, ставшая мамой?
Школьные карандаши?
Мой же иди свою раму.

В речке полощется мяч,
Мокнет на лавке хозяйка.
Девочка, только не плач
Ни о себе, ни о зайке.

Где-то в сарае букварь,
На чердаке пирамидка.
Ты по сусекам не шарь,
Прошлое — та еще пытка.

Что-то захочешь стереть,
Что-то почувствовать снова.
Детством переболеть —
Счастье превыше любого.

***

Может, цыгане в роду,
Может, что-то еще.
Только опять бреду
С сумкой через плечо.

Мимо меня дома,
Сотни чужих квартир.
Все я могу сама,
Девочка-пассажир.

Дерево посажу,
Сына рожу при нем,
Счастье наворожу, —
Так и построю дом.

Ну, а пока в пыли
Ноги мои опять,
Блудная дочь Земли,
Время коней менять.

***

ДРАМА

— Как же ты будешь военным,
Если не хочешь в садик?..
Маме уткнувшись в колено,
Плачет трехлетний Вадик.

В садике пахнет кашей,
Няня гремит посудой.
Вадик глядит отважно
И говорит: я буду.

Мама уходит тихо,
Вадику знать не надо:
Мама сама трусиха,
Если нет сына рядом.

Плачет она, как мышка,
Топая на работу.
Мама сама малышка,
Плачет и ждет субботу.

***

Вечер. Ледяные батареи.
Чай горяч, но руки тоже лед.
С каждым годом осень все острее
Листопадом под грудицу бьет.

Так вдохнешь, а выдохнуть не в силах,
Поперхнешься воздухом и вдруг
Спросишь осень: где ж тебя носило?
И в ответ дождливое «тук-тук».

Ветер дирижирует на крыше
Пусть по водосточной, но трубе...
Листья опадут, и ты задышишь,
Будто ее не было в тебе.

А пока не прерывай концерта
Глупым ликованием души.
Осень — это рай для интроверта.
Вдох. Не выдох. Хорошо, дыши.

Господи, как же мне холодно и неуютно.
Как неуютно, и мутно на сердце, и смутно.
Дерево — дурень, река — недотыка,
и камень — дурак.
Господи, как неуютно и холодно как.

Господи, с чем мне собраться и как мне
согреться?
Как успокоить свое беспокойное сердце?
Как из глубокой печали, из праха восстать?
К белому молу, причалу, пределу пристать?

Как же мы гордо живем и как ходим опасно.
Как же страшны небеса твои, Господи,
как же прекрасны
в гроздьях свинцовых, в клубах облаковой
резьбы,
не приклонившие ухо на наши мольбы.

***

МЫ — ЖАЛКИЕ ПОДОБИЯ ТВОРЦА...

Мы — жалкие подобия Творца.
Грядущего не зная, ни былого,
вымучиваем маленькое слово,
с трудом претерпевая до конца.

Превыше головы бумага число;
неизданные, изданные строки...
Но уст не отверзают в них пророки,
и семя доброе сквозь них не проросло.

О, Господи! Чем дальше в этот лес
беспомощного, грешного языка,
тем каждое в строку вставляем лыко
без вдохновенья, музыки и слез.

Направь мой дар, когда он вправду есть,
на обращенье грешного ко благу.
Дай пить Твою живительную влагу.
Не умножать ни ложь свою, ни лесть.

А нет — смети, как мусор, как пустяк,
бессовестные наши откровенья,
когда, пройдя и Крест и Воскресенье,
Ты Слово выдохнешь — да будет так!

***

Господи! Взъищи меня из ада!
Пал мой дух, и свет во мне погас.
День прошел — я ничему не рада.
Ночь прошла — я не сомкнула глаз.

МАРИНА
УЛЫБИШЕВА

Шевелю незрячими руками
по стене от двери до стола.
Воздух затвердел и стал, как камень.
А земля, как лодка, поплыла.

Этого ль душа моя хотела,
распуская перышки на свет,
наряжаясь в праздничное тело,
заводя будильник зим и лет?

***

Из библейского цикла

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Кваканьем жабьим, гусей гоготаньем,
урчаньем гиены
странное эхо промчалось
по лестницам башни,
той — крутобокой,
которая вскоре до неба
своды свои вознесет,
и тогда все узнают,
кто правит миром,
имея на это права.

Крикнул один:
— Не зевай! Подноси кирпичи!
Выложить этот простенок
Успеет еще до полудня.
Споро работа идет...

Но другой,
неожиданно бросив лопату
в поддон с земляною смолою,
грубо ответил:
— Расхрюкался словно свинья ты!
По-человечески разве
Не можешь сказать?

Г еоргиновый сентябрь.
Богоданная погода.
Под холстиной небосвода
мир почти такой, как встарь.

Пламенеют кромки крон.
Рдеет трав хитросплетенье.
Будто до грехопаденья
воздух благорастворен.

Но внезапно по садам
пронеслись сухие тени.
И попрятались в Эдеме
птицы, звери и Адам.

Вся природа напряглась.
Ветер ринулся навстречу.
— Где ты? Где ты, человек? —
Прокатился трубный Глас.

Человек не отвечал.
Выпил чай. Вздремнул немножко.
С кресла встал, прикрыл окошко,
глянул в сад и заскучал.

Колотила капель дрожь —
Божьих слез по гулкой крыше.
Человек, конечно, слышал.
Но подумал — это дождь.

Марина УЛЫБИШЕВА

ФРАГМЕНТЫ

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»

***

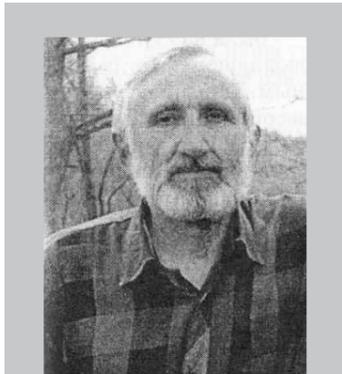
Любил когда-то забрести на окраину самую неприглядную, замусоренную, уродливую: заборы, склады, трубы дымящие и парящие, древние какие-то пакгаузы... Промзона. Что тут, казалось бы, любить? А вот эту самую неподдельную, натуральную наготу жизни и работы человеческой. И энергетика в таких местах какая-то особенная, до легких мурашек по коже, словно ты на некоем сквознячке бытия оказался вдруг. Знобко, зябко, но чем-то и приятно. Вот этой самой натуральностью нагой.

Удивительно, что место для чтения стихов и разговора о поэзии (увидел недавно по ТВ) выбрали очень похожее на любимые мною когда-то окраинные промзоны, только под крышей: голые кирпичные стены с неряшливой кладкой, подмостки, трапы дощатые... Решили, наверное, что высшему и нежнейшему творению души и духа человеческого, поэзии, здесь самое место для контраста и заземления. Есть тут некий резон, хоть выглядит все это и диковато. Некоторые же стихи, там прозвучавшие, никакого контраста с обстановкой и не давали, все тот же был в них нагой кирпич, железки, доски, словно тут именно они и родились.

***

Посмотрим на происходящее взглядом Шекспира: такой совет есть в письме Пушкина Дельвигу, да и самому себе, конечно. С высоты высокой, спокойно, душу не надрывая. Хороший совет, только сам он вряд ли когда ему следовал, а как бы было хорошо для благополучия житейского. Все могло по-другому пойти, но ведь великого поэта и человека тогда бы не было. Особенно по последней дуэльной истории такое видно. Не мог он иначе поступить — только стреляться. Теперь же слово “честь” пишется в словарях с добавкой “устар.” — устаревшее...

Много бед постигало Россию на ее историческом пути, и ги-

**ЮРИЙ
УБОГИЙ**

бель Пушкина, а вслед и Лермонтова — такие беды. Не случись они, вся история громадной страны могла бы сложиться по-иному, поудачнее.

О похожем влиянии Гоголя на судьбу России, только с обратным знаком, писал Розанов. О том, что он отвинтил внутри российского корабля некий винт, после чего тот неизбежно стал тонуть, и даже русско-японская война не могла быть выиграна. А винт этот — самоуважение, сильно пострадавшее от гоголевского изображения России.

***

Старение похоже на хроническую болезнь, которая развивается хотя и медленно, но неостановимо. По ходу “болезни” душа вырабатывает, к счастью, и лекарство, которое и облегчает, скрашивает развитие ее. Происходит рост ценности того куска, кусочка жизни, который тебе остался и который становится все меньше. Все дорожает прямо-таки на глазах: и природа, и погода, и люди, и книги, и мысли, и воспоминания, и время само. Вот этим-то и оплачиваются, покрываются потери, тяготы и горести старости, порой даже и с избытком. Прямо по пословице: нет худа без добра. Смысл пословицы утешительно-

житейский, а существует ли худозло в виде чистом и непоправимом? Может, и нет. **Ведь даже Люцифер, ангел падший, отец зла, может спастись, если покается,** так богословы христианские считают.

***

“Мужайся, сердце, до конца. // И нет в творении Творца! // И смысла нет в мольбе!” — Тютчев. Ведь прямо и ясно, от себя лично, сказано, что автор безбожник, а все равно в глубине души этому не веришь и правильно делаешь. **Не может поэт писать боговдохновенные стихи и не быть при этом у Бога, в Боге, хотя бы во время их написания.** Нечто подобное апостолом Павлом про любовь сказано, где она поставлена выше и важнее самой глубокой и горячей веры. Любящему уже и вера не нужна, потому что он в любви, а значит, в Боге пребывает. Вот пушкинское, всем известное, о любви самой земной, а все равно Божественной: “И сердце бьется в упоенье, // И для него воскресли вновь // И Божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь”. На первом месте “Божество” и тут стоит...

Случалось же читать стихи духовные, где про Бога сплошь говорится, но Он в них как-то и не живет. А в некоторых стихах того же поэта (Владимира Богатырева), вполне светских, Бог и не упоминается, к чувствуется несомненно: все в той же к миру и к людям любви...

***

Две фразы, каждая по-своему, изменившие мир: “Заповедь новую даю вам — да любите друг друга”. И “Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма”. В одну сторону обе направлены, к устройению счастья людей, только способы оказались разные. В первом случае свободный выбор, а во втором — принуждение, вплоть до уничтожения сопротивляющихся.

И как точно, глубоко, исчерпывающе прямо-таки сказано: “призрак”.

В одном этом слове все последующее видится: попытки воплотить призрак упорнейшие, а в конечном счете — бесплодные. И страшные неизбежно.

***

Попалась как-то запись в дневнике немецкого офицера-врача о том, что среди наших, угоняемых в Германию, девушек,

подавляющее большинство — девственницы. **Запись сделана с удивлением и даже с тревогой за исход войны.** Странная, на первый взгляд, тревога, но потом вдруг и понятная. Ждут девушки возвращения своих парней-женихов, да глядишь, и дождутся с победой.

Вот тут и вспомнишь “нет” Татьяны Онегину и подумаешь, что женская верность силу народа укрепляет и в мирную пору, и в войну.

***

Путь христианина и, особенно, монаха — борьба с гордыней, со страстями, с суетностью житейской и многим, многим еще. Если она успешна, то человек все чаще и все дольше осознает себя перед Богом и с Богом. Нечто похожее дает человеку старость сама по себе: гаснут страсти, смиряется неизбежно гордыня, отодвигаются заботы мирские...

И оказывается старик, даже и невольно, перед Богом. Или, если он атеист, перед исчезновением полным. **Говорят, что в окопах атеистов не бывает, но, может быть, их не бывает и в глубокой старости?** Смертные ведь в обоих случаях рубежи. Вся жизнь человека — к Богу путь, а в старости путь этот все определеннее, все прямее и короче, и потому приход к цели все неизбежнее. Какой ты ни будь атеист, а перед смертью Бога вспомнишь, попросишь помочь и поддержать...

Из книги «Время вокзала».

***

Но когда красота вокруг включает пятую скорость, Я уже не могу совсем ни сомневаться, ни спорить. Господи, вопрошаю, как там мои родные? Ты передай им, я знаю, они живые! Главный мой враг — неизбежное злое время. Мы еще точно встретимся с ними со всеми.

***

Жить в этом сером роспуске зимы, Но все-таки любить, и улыбаться, Врывающихся в грязных башмаках Прощать за неуместность, забывать. Бежать от шебуршащей кутерьмы, Расталкивать пустое, заполняться, Сбываться, прорасти, светить впотьмах, По капле себе море собирать.

Раскачиваться на своей волне, Быть в центре, оставаясь в стороне.

***

Холодный кофе, теплая рука. Хорошего, спокойного, земного! Люби меня, мой мир, люби любого, Пока я здесь, еще с тобой пока, Потом люби кого-нибудь другого...

***

Пока ты копишь тепло в карманах, зима рождается за порогом. Все неизбежно идет по кругу, все неизбежнее с каждым новым. Я выхожу в эту злую осень, я так люблю эту злую осень, за то, что время идет по кругу, за то, что кончится все однажды. За то, что все это бесконечно.

**ПАВЕЛ
ТРИШКИН**

Однажды утром в Эфесе по аллеям приморского парка прогуливался человек лет тридцати в плаще философа. Навстречу ему вышла компания веселых молодых людей.

— Здравствуй, мудрец! — сказал один из них, после чего изменил свой маршрут и с важным видом, нога в ногу, начал вышагивать рядом с незнакомцем в плаще. То же самое, явно дурачась, стали проделывать и его приятели.

— Что тебе угодно от меня? — спросил философ зачинщика шутки.

На что тот непринужденно ответил, что просто-напросто следует совету одного своего приятеля, последователя Сократа. Древнегреческий мудрец учил: как только увидишь человека в греческом плаще философа, постарайся вступить с ним в беседу. Вдруг это обоим пойдет на пользу?

— Кто же ты, превосходнейший из смертных? — смеясь, спросил философ.

Словоохотливый прохожий назвал Трифоном. Он был евреем, переселившимся во время последней войны из Иудеи в Грецию, и теперь по большей части жил в Коринфе. Философ тоже оказался гостем города и назвал свое имя: Иустин. В Эфесе он задержался, ожидая со дня на день корабля в Рим.

Узнав о том, что Трифон — еврей, Иустин поинтересовался: зачем же тому, кто с детства знаком со Священным Писанием, искать мудрости у греков?

— Почему нет? — живо ответил Трифон. — Не есть ли задача философии — исследовать природу божества?

Иустин спросил: вот только вопрос — для чего, с какой целью? Многие философы доказывают, что боги равнодушны к жизни людей. Не толкает ли подобная философия на путь порочной жизни и безнаказанности и вседозволенности, вместо того чтобы облагораживать душу?

Завязался весьма интересный разговор — один из тех, что так любили вести образованные люди в античные времена на природе, прогуливаясь среди цветущей зелени.

— А какое твое мнение о божествах и какова твоя философия? — спросил Трифон собеседника с приятной улыбкой.

Хорошо, что к этому моменту он и его приятели успели присесть на мраморную скамью. Этот обходительный ученый грек, облаченный в плащ философа, назвал себя христианином!

Забыв о всяких приличиях, молодые люди стали громко смеяться.

В начале II века о христианах

ходили самые нелепые слухи, вплоть до того, что они поедают присыпанных мукой младенцев и поклоняются голове осла, а также множество скабрезных анекдотов о «вечерах любви».

Писатель-апологет II века Марк Минуций Феликс в своем сочинении «Октавий» вложил в уста язычника Цецилия весьма распространенное мнение, что христиане — это люди из «жалкой, запрещенной, презренной секты, которые набирают в свое нечестивое общество последователей из самой грязи народной, из легковверных женщин»...

Но этот Иустин создавал впечатление человека весьма образованного и умного.

— Вы, христиане, приняли

нить их, — сказал он, прибавив со вздохом: — Я постарался прочитать их.

Особенно Трифона возмущало, что христиане, которые так много говорят о благочестии, не соблюдают суббот и еврейских праздников, не признают обрезания. Но при этом чего-то просят и хотят получить от Бога, Который через Моисея велел неукоснительно исполнять все законы. Чем же в таком случае христиане отличаются от тех, кого они называют язычниками?

Товарищи были уверены, что этим вопросом Трифон поставил философа в тупик. Но неожиданно для слушателей Иустин обратился к знакомым каждому еврею с детства текстам Священного Писания. Оказалось, что философ-грек не просто хорошо их изучил, но практически знал наизусть и каждую свою мысль мог проиллюстрировать строками закона Моисея, пророчествами пророков Исаии, Амоса, Малахии, Захарии или цитатами из псалмов Давида.

Это уже само по себе было необычно — никто бы не удивился, услышав от грека изречения Сократа или Эпикура, но ветхозаветные пророки! По мнению Иустины, весь хор древнейших пророчеств возвещал об одном —

о явлении на землю Иисуса Христа. Что и произошло больше ста лет назад, хотя, кроме христиан, этого никто не заметил или же с упорством отрицает.

— Ты находишься не в своем уме, — прошептал изумленный Трифон.

То, что он услышал, настолько ново, интересно и необычно, что даже товарищи Трифона перестали смеяться, а начали задавать вопросы: кто про Авраама, кто интересовался толкованием законов Моисея. Ведь Христос, о Котором говорил этот ученый грек, был пусть и не вполне понятным, но удивительным. Он любит людей, заботится о спасении каждого: «...все видит и все знает, и никто из нас не скрыт от Него», — разве не такого Бога ищет любое человеческое сердце?

Разговор затянулся допоздна. Мало того, он продолжился и на следующий день! Трифон снова явился в парк и привел с собой новых слушателей, пожелавших увидеть необычного ученого мужа в плаще философа, который исповедовал христианство.

Как позже напишет Иустин, люди окружили его «как будто в

театре» и он согласился повторить Трифону все, что было сказано вчера, хотя «кратко и сжато, ради тех, которые пришли с тобой сегодня».

— ...Хотя бы ты еще пространнее повторял то же самое, будь уверен, что я и присутствующие очень рады слушать, — с благодарностью ответил ему Трифон.

Куда подевался вчерашний веселый насмешник, уверенный в собственном превосходстве и правоте?

Да и сам Иустин теперь обращался к слушателям как к единомышленникам: «друзья мои», «государи мои»... Его речи напоминали не ученый диспут, а взволнованную христианскую проповедь.

Слушатели долго не хотели расходиться, но Иустина уже ждал корабль, который должен был отвезти его в Рим. Молодые люди провожали в тот день Трифона как учителя, желая ему доброго пути и надеясь на новую встречу.

Эта встреча в Эфесе описана в сочинении христианского мученика Иустина Философа под названием «Разговор с Трифоном Иудеем».

РАЗГОВОР ИУСТИНА ФИЛОСОФА С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ,

СЛУЧИВШИЙСЯ В ЭФЕСЕ
В НАЧАЛЕ II ВЕКА ОТ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

ложный путь, вообразили себе какого-то Христа и ради Него так безрассудно губите вашу жизнь, — снисходительно заметил Трифон.

Философ хотел что-то объяснить, но товарищи Трифона никак не могли успокоиться и громко гоготали. Иустин встал, чтобы уйти, и тут Трифон с умоляющим видом схватил его за край плаща, заявив, что ни за что не отпустит, пока тот не выполнит обещания и не поделится своей философией.

Иустин спросил: неужели молодые люди на самом деле думают, будто христиане едят человеческую плоть, а после совместных трапез гасят свечи и предаются разврату? Или же они смеялись просто из-за того, что находят христианское учение ложным?

За всех ответил Трифон — судя по всему, в молодой компании самый воспитанный и образованный. Лично он не верил в подобные басни, так как они противоречат человеческой природе, но...

— ...Ваши правила в так называемом Евангелии я нахожу столь великими и удивительными, что все равно никто не может испол-

Образ (нарочно не придумаешь) – монашествующий священник подрабатывает паромщиком. Перевозит людей на берег, прозванный в народе Правым. Коренастый в теле и в уме человек. Я часто переплывал с ним реку. Ширина небольшая, время в пути – минут десять. За это время отец Лонгин (так окрестим его) успевал рассказать немного, если мерить знаками, и много, если не мерить ничем. Вначале мы просто разговаривали, потом я стал записывать сказанное на диктофон. Так родился целый жанр – паромины. «Ты только город не называй, и реку, и как зовут меня не пиши, а то вдруг поклонники появятся», – боялся он. И ещё: «Слова мои как вода, в том смысле что утекут, и Бог с ними». Спустя годы я решил опубликовать некоторые расшифрованные записи.

ПАРОМИНЫ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

если так подумать, то где еще ходить в наше-то время? По воде только и остается. Красиво. Тихо. Чисто. Туман, когда рассеивается – запах такой над рекой! Что ты! Благодаря.

ящее искусство не может быть не о Боге.

Сегодня по красоте мы изголодались, тянется душа к ней. Видел бы, сколько по вечерам на берега реки выходит людей

забить. Да что ты смеешься!? И люди в этих реках смогут увидеть следы... А чьи следы? Ясно чьи.

Записал Максим ВАСЮНОВ.

***
Села ко мне недавно девица, юбка ниже колена, значит – умная. «А вы что, – спрашивает, – правда священник?» Я говорю: «Какой же я священник? Вот Пушкин священник, Мандельштам священник, Тарковские отец и сын священники, а я так, поп, в лучшем случае – батюшка. Понятно тебе?» Ничего не ответила. Юбку только поправила. А я гребу и думаю: откуда мне такие слова пришли? Пушкина в священники записал! Но на воде и не такие мысли приходят. Поэтому ты ко мне сильно-то не прислушивайся. Метет Емеля – что в дороге еще делать.

***
Я почему пошел в паромщики? Взял благословение у настоятеля и – за весла. Храм мне дали, разрушенный. Ох, красавец! Авианосец! Три этажа, можешь себе представить?! А там ни крыши, ни окон, пара затертых фресок – вот и все богатство. Меценатов ищу, дааа! Но и сам хочу своим трудом копейку для храма заработать. Вот потому здесь, два через два [дня]. Люди ездят – им удобно, и туристов много, для них паром в радость. И мне в радость с людьми знакомиться. То, что я монах, поначалу тут никто не знал, это уж потом – слухами река полнится. И вот какое дело приключилось. Некоторые стали специально приходить – душу излить, советоваться. Моя лодка для них вроде церкви. Я, конечно, им: в храм приходите, там поговорим. Но иногда не могу отказать в утешении. Хотя куда мне, грешному, в утешители подаваться, мне бы служить одному в моей разрушенной церкви в поле. Вот счастье монаха. Уйду я, так думаю, с этой работы. А то уж слишком много ко мне внимания стало.

***
Я однажды, грешным делом, смотрел телевизор, там рыбак рассказывал: рано утром, когда над рекой туман, то в тумане в этом видны следы. И вот он спрашивает кого-то: «А кто по воде ходит?» И сам отвечает: «Ясно кто». Я тоже такую картину вижу. Сначала думал, мне кажется. Но нет – следы есть. Прямо в тумане. И прямо по воде... А

Нигде так не дышится. Только здесь и в церкви моей заброшенной. Приходи ко мне на заре.

***
Адам и Ева говорили стихами. Иначе нельзя, когда постоянно видишь первозданную красоту. Красота нашей земли лишь отблеск, лишь карикатура того, что видели Адам и Ева. И они говорили с Богом. А Бог говорил стихами. Это Поэт Поэтов. Первый Поэт и Последний. Мы перестали видеть красоту и потому перестали писать стихи. В 21-м веке мы лишились даже земной красоты. И правды. Какая уж тут поэзия.

Меня все это волнует очень. Я по образованию гуманитарий. Но не будем о таком недостижимом, прежде всего для меня, грешного.

Я лишь о том хочу сказать, что все мы такие противные! Да, потому что мы противно говорим. Наш язык на таком низком уровне, что Адам и Ева нас бы не поняли. И потому Бог часто не понимает нас. Нельзя так говорить с Богом, как мы говорим. Так вообще нельзя говорить ни с кем.

Чтобы хоть чуть-чуть понюхать, какая поэзия слов была в раю и как там жили, представь себе такое: человека поселили одного среди самых прекрасных пейзажей и животных. Дали ему в руки Библию, томики поэзии великих Его собеседников. На, читай. И вот он год будет общаться с природой, с Красотой словесной и природной. А потом его взять и перенести в город, подсунуть газеты, включить телевизор, пригласить на встречу, на вечеринку, в кино. Он нас не поймет. Не поймет, зачем мы тратим время на все это. Это раз. А два – он сойдет с ума. Мы по сравнению с Адамом и Евой все сумасшедшие.

Вот возьмем современное искусство, оно очень интересное, не спорю, вызывающее, провокационное, но некрасивое. Его даже никто не описывает прилагательным «красивое». Все говорят: вау, офигенно, зачетно. Но никто не говорит: «Ах, как красиво». Потому что современное искусство, то, что принято так называть, – это отблеск ада. А красота, говорю тебе как гуманитарий, это отблеск рая. И уже потому насто-

закаты провожать! Но многие из нас все же не там красоту ищут. Митя Карамазов у Достоевского, помнишь, как говорит: «В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей». Вроде бы так его слова звучат, давно не читал. Или вот еще оттуда же фраза про красоту: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Достоевский тут, конечно, переоценил дьявола, с Богом он бороться не может. А вот с человеком – да. С образом Божиим в человеке – да. Все делает, чтобы человек святым не стал.

О Достоевском тебе еще расскажу. Ты знаешь, как он к вере пришел? Будто бы он увидел рай. Как уж увидел, то неизвестно, но Федор Михайлович сам об этом Оптинским старцам рассказывал. А у них он врать бы не стал. Много я читал про то, как людям на земле давалось увидеть рай: во сне, в видении или еще как Бог пошлет. Достоевский был одним из таковых. Может быть, поэтому он о красоте рассуждал так глубоко, так необычно. И стал великим писателем.

Ну вот мы переправились. Всего...

– Красивого?

Отец Лонгин смеется:

– Иди уже! Ангела!

***
Слово не обесценивается, нет. Все дело в том, что просто нет слов. Или их очень мало. Даже далеко не во всех стихотворениях сегодняшних слова. (Я грешен, пишу стишки, сам почитаю иногда, что пишут другие. Но я тебе не покажу, даже не проси! Нет-нет!) Но если «В начале было Слово», то дерзнем предположить, что и в конце Оно будет. Мы, живущие в 21-м веке, должны вернуть Слово. Слова, слова, язык, понимаешь? Если мир будет рушиться, то пусть рушится под музыку слов. Мне кажется, это прекрасная цель для нашего времени. «Это ли не цель желанная».

И потому я считаю, что у тебя хорошая профессия. Журналист может все вокруг себя высушить, если не будет у него живого языка, слова вдохновенного и вдохновляющего, родникового. Но если дар такой будет ему дан, то в степи нашей мирской смогут реки

№ 5 (90)
7 ноября 2018

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

Учредитель и издатель: Калужская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).
Адрес издателя, редакции: 248000, г. Калуга, ул. Набережная, д. 4. Тел.: 56-27-00.
Главный редактор: Богомолова М.В.
E-mail: veraml18@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская типография стандартов»: 248021, г. Калуга, ул. Московская, д. 256.
Тираж 3000 экз. Заказ № 699.
Сдано в печать 06.11.2018
По графику – 08.00
Фактически – 08.00

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-27828 от 12 апреля 2007 г.

Номер сверстан в редакции газеты.
Распространяется бесплатно.

Просим газету не выбрасывать и не использовать в хозяйственных целях. Её можно отнести в ближайший храм или дать почитать другому.

Поделитесь с нами своими идеями и предложениями, ведь «Вера молодых» – это разговор о том, что тревожит и волнует вас. Наш адрес: veraml18@mail.ru
Архив номеров можно найти на сайте: eparhia-kaluga.ru, раздел: периодика > газета «Вера молодых»